

Ф и л о с о ф с к и е
Т е х н о л о г и и

А л е к с е й
Л О С Е В

**КРИТИКА
ПЛАТОНИЗМА
У АРИСТОТЕЛЯ**

А

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ

А.Ф. Посев

Критика платонизма у Аристотеля

Перевод и комментарий
XIII-й и XIV-й книги
«Метафизики» Аристотеля

Москва
Издание автора
2029

Москва
Академический Проект
2011

Редакционный совет серии:

А.А. Гусейнов (акад. РАН), В.А. Лекторский (акад. РАН),
Т.И. Ойзерман (акад. РАН), В.С. Степин (акад. РАН,
председатель совета), П.П. Гайдено (чл.-корр. РАН),
В.В. Миронов (чл.-корр. РАН), А.В. Смирнов (чл.-корр. РАН),
Б.Г. Юдин (чл.-корр. РАН)

Лосев А.Ф.

А 79 Критика платонизма у Аристотеля (Перевод и комментарий XIII-й и XIV-й книги «Метафизики» Аристотеля). — М.: Академический Проект, 2011. — 251 с. — (Философские технологии: философия).

ISBN 978-5-8291-1197-7

В «Критике платонизма у Аристотеля» — книге, вышедшей в 1929 году, трактуются проблемы философской аритмологии на материале критического анализа XIII и XIV книг «Метафизики» Аристотеля. А.Ф. Лосев противопоставляет платоновское учение о числе попыткам Аристотеля лишить число онтологического статуса. Несмотря на кажущуюся архаичность обсуждаемых тем, данное исследование А.Ф. Лосева проливает свет на важные и актуальные проблемы философии числа и основной математики.

УДК 1/14
ББК 87

© Тахо-Годи А.А., 2010
© Троицкий В.П., предисловие, 2010
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2011

ISBN 978-5-8291-1197-7

В.П. Троицкий

О СМЫСЛЕ ЧИСЕЛ¹

Когда А.Ф. Лосев готовил к публикации книгу «Критика платонизма у Аристотеля» (1929) и помещал в ней свои переводы из определенных мест «Метафизики» Аристотеля, его выбор был абсолютно неизбежен. Во-первых, полного русского текста «Метафизики» к тому времени еще не появилось, перевод Л.В. Кубицкого вышел в 1934 году, через пять лет после выхода в свет книги А.Ф. Лосева, так что еще можно было выбирать, что не переведено. Во-вторых, все русские переводчики, предшественники Лосева, как бы сговариваясь, оставляли нетронутыми именно эти книги «Метафизики», XIII и XIV: перевод В.В. Розанова и П.Д. Перлова затронул книги I – V (в выпусках «Журнала министерства народного просвещения», 1890–1895), перевод А.М. Водена — книгу XII («Книга для чтения по истории философии», 1924). Наконец, как раз заключительные книги «Метафизики» в самом концентрированном виде содержали критику платоновской теории идей, причем критика эта подавалась специально в виде полемики о природе математики и основного математического предмета, числа. Для Лосева, собственная философия которого развивалась и строилась в основных смысловых координатах Имени, Числа и Мифа, то давнее предпочтение Аристотеля — дать критику идей через критику учения о числах, — не могло не быть привлекательным.

Далее, только на первый взгляд может показаться, что книга А.Ф. Лосева «Критика платонизма у Аристотеля» — а с нею рядом мы по необходимости будем рассматривать и другую работу автора примерно того же времени, а именно «Диалектику числа у Плотина» (1928)², — имеет весьма

¹ Работа подготовлена при поддержке РГНФ, код проекта 08-03-00127а.

² Далее будем использовать сокращенные наименования этих книг, «Критика» и «Диалектика» соответственно, со ссылками на страницы первых изданий.

узкую направленность, так что среди внимательных читателей этих книг окажутся разве только исследователи истории математики, причем по определенному разделу (такова тема — греческая «аритмология»), или специалисты по классической филологии (таков жанр, означенный на титульных листах книг — «перевод и комментарий»). На наш взгляд, однако, круг благодарных читателей в итоге окажется существенно разнообразнее, если принять во внимание, что здесь языком историка и переводчика изъясняется выдающийся философ, что уже само по себе обещает широту подхода к затронутым проблемам. Кроме того, затронутые Лосевым древние воззрения на число на самом деле нисколько не устарели и составляют подлинную новость для современного сознания. Так хорошо забытое старое (как новое) открывается в масштабе мировоззренческого размаха, а исследователь-архаист одновременно предстает искателем-новатором.

Но прежде чем приступить к рассмотрению лосевского понимания проблемы числа в античности и сравнивать его с современными математическими представлениями, сразу возьмем один важный ориентир. Для этого мы вспомним известную рекомендацию из «Законов» Платона по поводу желательной численности граждан идеального города-государства: «Мы признаем наиболее удобным то число, которое обладает наибольшим количеством последовательных делителей <...> число же *пять тысяч сорок* имеет целых пятьдесят девять делителей, последовательных же — от единицы до десяти. Это очень удобно и на войне, и в мирное время для всякого рода сделок, союзов, налогов и распределений» (*Legg. V 738 ab*). Знаменитый математик Герман Вейль, размышляя о «магии числа» в платоновских диалогах, следующим образом прокомментировал данное высказывание: «С точки зрения величины нет особой разницы, будет ли число жителей города 5040 или 5039; с точки зрения теории чисел между ними расстояние, как от земли до неба; например, число $5040 = 2^4 \times 3^2 \times 5 \times 7$ имеет много частей, тогда как 5039 — простое число. Если в идеальном платоновском городе ночью умрет один житель и число жителей уменьшится до 5039, то весь город сразу придет в упадок»¹.

¹ Вейль Г. О символизме математики и математической физики // Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989. С. 68.

Даже если в последующем своем рассуждении Г. Вейль слишком резко провел границу между наукой и магией (для первой, по Вейлю, ценна только величина числа, для второй, т. е. магии в нумерологической ипостаси, имеют существенное значение смысловые отношения чисел), самое важное данным примером схвачено: современная точка зрения на число принципиально десемантизирована, античное же («магическое», как выражается Вейль) число всегда отмечено, индивидуально-значимо и даже в той или иной мере жизненно необходимо. Лосев в своем «восьмикнижии» 1920-х годов явно придерживался второго подхода, да и до конца своих дней сохранил верность ему.

Эти две книги А.Ф. Лосева близки уже чисто формально. Их объединяет однотипность названий, строгая жанровая очерченность, заявленная одинаковыми подзаголовками, относительно малый в сравнении с другими составными частями «восьмикнижия» объем, а также близость времени публикации и, видимо, написания. Однако с еще большей очевидностью эти тексты сочетаются в пространстве смысла, где они, если допускать математизированную семантику, представляют две комплексно сопряженные величины. Как известно, в элементарной арифметике комплексных чисел сопряженными называются числа, точно совпадающие по действительным своим частям и различающиеся противоположными знаками при мнимых частях, а потому они образуют пару, симметричную относительно действительной оси. Ниже мы попробуем сделать этот образ более содержательным и конкретным.

Два памятника античной мысли, привлечшие пристальное внимание А.Ф. Лосева, представляют собой два относительно самостоятельных фрагмента из корпуса трудов Аристотеля и Плотина. Соответственно, перед нами так называемые побочные, тринадцатая (*M*) и четырнадцатая (*N*) книги «Метафизики», завершающие это сочинение, и трактат «О числах», который после классификации, выполненной Порфирием, является шестым в шестой же, заключительной группе платиновых «Эннеад» («Девяток» — в каждой группе по девять трактатов). Числа, фигурирующие в данном описании, сами по себе интересны своим несовпадением и даже, с точки зрения пифагорейцев, существенной противоположностью. В самом деле, трактат VI.6 выступает под знаком «совершенных» чисел 6 и 9, —

тут можно вспомнить красноречивое признание Порфирия на их счет: «я разделил пятьдесят четыре книги Плотина на шесть эннеад, радуясь совершенству числа шесть и тем более девятки» (Жизнь Плотина. 24, 11–13). Напротив, 13 и 14, т.е. числа, относящиеся к заключительной части «Метафизики», по всем канонам «несовершенны», а число 13, как хорошо известно, еще и «несчастливо». Даже если такое числовое противостояние случайно, оно вполне соответствует очевидной противоположности разбираемых сочинений по содержанию: как отмечает А.Ф. Лосев, в «Метафизике» против «принципного функционирования чисел в вещах» нашлась развернутая критическая аргументация, имеющая «убийственный для пифагорейства и платонизма вид» («Критика», 86), в трактате же «О числах», наоборот, отстаивается «ипостасийность» числа и доказывается, что «с отнятием умного числа соответствующая умная вещь потеряла бы свое осмысление и вообще перестала бы существовать» («Диалектика», 79). Аристотель почти издевается над пифагорейством, Плотин поет славу Числу. Но так нередко бывает среди единомышленников. Две античные точки зрения на самом деле сопряжены в общих границах платонической традиции, их различие обусловлено только выделением различных сторон единого феномена «очисленности» бытия. Разница между ними — продолжаем эксплуатировать образные возможности отношений комплексно сопряженных величин, — лежит только в области мнения-доксы, представлена только «мнимой» составляющей. В «Критике» предметно отстаивается мысль о том, что нападки Аристотеля на «идеальные» числа вовсе не означают, что сам критик не признавал существования идей (97–98), а «убийственные» аргументы против платонизма на деле оборачиваются лишь укреплением последнего, потому-то «пифагореец и платоник так и скажут Аристотелю: да, правильно!» (86). В заключительном томе «Истории античной эстетики» А.Ф. Лосев вновь использует эту мысль и подчеркивает, что «общая система соотношения разных слоев бытия у Платона и Аристотеля одна и та же» и что только «постоянная дистинктивно-дескриптивная склонность Аристотеля» заставляет его предпочтительнее относиться «к частностям и ко всему единичному в сравнении с общими категориями и особенно с предельно-общими»⁴. Эта

склонность «настолько была у Аристотеля сильна, что пифагорейские числовые конструкции он прямо высмеивал как нечто наивное и фантастическое», в чем был, как уже сказано, излишне категоричен, но и прогресс (с точки зрения платонизма) у Стагирита, как отмечает А.Ф. Лосев, «все-таки был, поскольку Аристотель умел мастерски характеризовать то, что он называл потенциальной природой числа и что мы теперь могли бы назвать осмысливающей и оформляющей природой числа. Аристотеля интересует порождающая роль чисел, которая у Платона, конечно, мыслится на втором плане в сравнении с вечной, предельно обобщенной и потому неподвижной природой чисел»⁵.

Если теперь судить о взглядах Плотина, то для него, читаем у А.Ф. Лосева, «всякое число есть, прежде всего, субстанция, или, как он говорит, ипостась, а не просто только одно наше субъективное представление»⁶, и потому весь критический пафос трактата «О числах» направлен именно против ипостасийных теорий числа, «наивно-эмпирических» и «субъективно-психологических» (29–36). Это, конечно, антиаристотелианская позиция, но она только относительно способа видения мира, только в сфере гносеологии. Внимательное же изучение самого трактата VI.6, да еще вместе с разъяснениями к нему в «Диалектике», ясно показывает, что в онтологии-то Плотин и Аристотель значительно ближе друг к другу, потому как «потенциально-порождающая» функция чисел, выявление которой нужно ставить в заслугу Аристотелю, вполне воспроизводится или, вернее, наново открывается в философии числа у Плотина. Здесь нам придется кстати сжатая характеристика Платиновых построений, которую можно найти все в том же томе «Истории античной эстетики». В трактате Плотина, отмечает А.Ф. Лосев, «ярко фиксируется и кристаллическая раздельность числа, и его континуальная текучесть, и его сущностный (а не практически-вещественный) характер, и, наконец, его чисто смысловая и в то же время творческая эманация, общность которой иерархически

⁴ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 1. М., 1992. С. 513.

⁵ Там же. С. 514.

⁶ Там же. С. 536.

располагается, начиная от сверхинтеллектуальной полноты, проходя через интеллектуально построенную систему и космически-душевную самодвижность и кончая растворением и дохождением до нуля в чисто материальной области⁷. Потенциальное бытие числа-абстракции Аристотеля смыкается со структурным, вовне изливающимся (эманативным) бытием числа Плотина. Этому не нужно удивляться, если помнить, что неоплатонизм (а Плотин — его ярчайший представитель) есть синтез платонизма и аристотелизма.

Собственную «комплексную сопряженность» имеют и две фундаментальные античные идеи — главные темы двух рассматриваемых лосевских книг. Скоро они будут названы. Плотин и Аристотель, гениальные преемники Платона, творчеством своим явили уникальный, кажется, пример столь глубокого разворачивания прямо противоположных сторон одного и того же учения. Для характеристики этой ситуации полезно обратиться к универсальной формуле или схеме, которую А.Ф. Лосев активно использует в «Критике». Рисуеться эта схема так: «Диалектика вся ведь стоит на одновременном принятии положений, что A есть A и A не есть A » (44). Так вот, для Аристотеля, крайнего «формалиста», всегда выходит, что всякое A есть только A и любое $не-A$ всегда остается только самим собой — *tertium non datur!* Принцип этот оставляет свой неизгладимый отпечаток даже на стилистике его трактатов: отсюда раздробленность философских текстов Стагири-та, потому в них столь ощутима, как хорошо замечено, нехватка «союзов и предлогов»⁸ и неизбежна, в свою очередь констатирует А.Ф. Лосев, «зlostная краткость» выражения. Крайний же «диалектик» Плотин скорее эксплуатирует вторую часть «формулы» диалектики и, наметив некое A , склонен тотчас обнаруживать его как $не-A$, потому и философские категории у него, по определению А.Ф. Лосева, «все время находятся в каком-то подвижном состоянии, <...> в состоянии какой-то взаимной диффузии»⁹. Вот пределы, вот два полюса, между которыми бьется собствен-

⁷ Там же. С. 537.

⁸ Уайтхед А. Приключения идей // Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 681.

⁹ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1990. С. 203.

ная мысль переводчика и комментатора древних текстов. В этом духовном пространстве ему самому принадлежит особое место: он воспроизводит «формулу» диалектики во всей ее полноте и тем защищает платонизм от экстремистских выпадов известных платоников. Дополнив в «Критике» по живому рубящие констатации одного из них (A есть A) необходимыми диалектическими моментами (ибо одновременно это же A есть $не-A$), укротив в «Диалектике» ускользающие категориальные взаимоотношения у другого (где непрестанно A есть тотчас же $не-A$) строгими отграничениями и оформлениями (когда не обойтись без фиксации A как только A), он тем самым создает или восстанавливает новое единство. Можно даже сложить своеобразное уравнение: «Критика платонизма у Аристотеля» + «Диалектика числа у Плотина» = «Защита платонизма у Лосева».

Здесь, наконец, появляется возможность во всеоружии вернуться к тем двум числовым системам, о различии которых мы заговорили вначале. Теперь уже нетрудно предположить, что речь пойдет о действительной их, систем этих, сопряженности. Основанием для такого предположения является почти прямое соответствие современной (позитивистской) концепции числа и теории абстракции из «Метафизики» Аристотеля, с одной стороны, и связь представлений о «магических» (по Вейлю) числах с пифагорейско-платоновской традицией, окончательно оформленной у неоплатоников и в первую очередь у Плотина, с другой. В самом деле, господствующая ныне числовая система — ее обширная сфера применения простирается от примитивного загибания пальцев на руке до выполнения миллионов операций в секунду на электронных вычислительных машинах, — совершенно по-аристотелевски бескачественна, основана на «голом» арифметическом счете монотонно следующих друг за другом единиц и потому может быть названа (воспользуемся терминологией известных нам глав «Метафизики») системой «абсолютно счислимых чисел». Вторая числовая система, во всяком случае, в явно артикулированной форме, имеет более специфическую и даже маргинальную область хождения. В научной области она входит в арсенал современных исследователей архаического мышления и мифологических представлений древности, которым приходится изучать некие «числовые комплек-

сы»¹⁰, в ряду которых стоят «дружественные числа» пифагорейцев, «знаменитое число» 7, «несчастливое» 13, «число зверя» 666 и т.д. Сюда же, кстати, относится и упомянутая «очисленность» идеального, по Платону, государства — 5040. Данный числовой ряд не содержит однородных «единиц», потому всякое его «число» качественно отличается от другого и ни с каким прочим «числом» не может быть «сложено», потому, согласно классификации той же «Метафизики», подобная система должна быть отнесена к «абсолютно несчислимым числам».

Две системы, «научная» и «магическая», современная и архаическая максимально удалены по сферам применения и обычно не воспринимаются как нечто единое. Аристотель, пожалуй, вполне бы мог заявить, что обнаружить подобное соединение так же невозможно, как, читаем в «Поэтике», увидеть «коня, вскинувшего сразу обе правые ноги» (1460 b 18). А вот платонизм вздымает вселенского коня, не убоясь противоречий. После защиты платонизма, блестяще осуществленной А.Ф. Лосевым, нет нужды излагать, каким образом совмещаются «чувственное бытие» и «математические предметы», как тесно сосуществуют «арифметические» и «идеальные» числа и почему при этом необходима диалектика, которая «обязана быть системой закономерно и необходимо выводимых антиномий <...> и синтетических сопряжений антиномических конструкций смысла»¹¹. Даже и сам Аристотель в своей «Метафизике» (XIII 3, 1077b 17 — 1078a 5), подчеркивает А.Ф. Лосев, вполне понимает и показывает, как именно «математическое одновременно находится и в чувственной действительности и вне ее», рассуждая, тем самым, «вполне диалектически»¹².

Мифопоэтическое представление о числе, «жар холодных чисел» (А. Блок) всегда ощущался представителями так называемой гуманитарной культуры. Об этом свидетельствуют бесчисленные литературоведческие и искусствоведческие исследования, занятые выявлением тайных и явных структурных предпочтений в тех или иных художе-

ственных произведениях. В современной же философии математики — как процесс уже в точных науках, встречающийся первому, — тоже начинают вспоминать «число в платоновско-пифагорейском опыте» и осознавать необходимость сопротивления «отчуждению числа от собственной сущности и извечной *содержательности*»¹³. Это достаточно неожиданное обращение к запасникам пифагореизма и неоплатонизма показывает, сколь до сих пор актуальна выполненная А.Ф. Лосевым работа по возвращению античных учений о числе «впервые на память современности» («Диалектика», 10).

Какие же «числа» и какая «арифметика» возвращаются к нам? Здесь мы можем назвать лишь некоторые образцы лосевского прочтения античных числовых комплексов. Такова, например, философская расшифровка числовых операций демиурга в космогонии «Тимея» (ее мы находим на страницах книги «Античный космос и современная наука»). А.Ф. Лосев рассматривает здесь, по сравнению с равномерно нарастающим рядом «Теологумен», уже много более изоциренную числовую конструкцию, а именно два лямбдообразно расположенные (ветвящиеся) числовые ряда, исходящие из «единицы» и выражающие космос в виде вложенных друг в друга сфер. Еще пример: во втором томе «Истории античной эстетики» много места отведено разгадкам тайн других «числовых фантазий» Платона, среди которых и уже знакомое нам «урбанистическое» число 5040, и неожиданная 729-кратная «разница удовольствий» правителей, и так называемые «брачные» числа. Назовем для полноты картины также лосевский разбор иерархии «богов-чисел» у Прокла, начатый еще в «Диалектике» и завершенный в седьмом томе «Истории античной эстетики»¹⁴. В целом получается обширный и богатый материал для позитивного рассмотрения античной философии числа. Бинокулярное, стереоскопическое умо-зрение А.Ф. Лосева ярко проявляется на этих материалах, как проявляется оно

¹⁰ См.: Иванов Вяч. Вс. Числа // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1991. С. 629–631.

¹¹ Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1927. С. 8.

¹² Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975. С. 151, 152.

¹³ Свасьян К.А. Судьбы математики в истории познания нового времени // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 47.

¹⁴ Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927. С. 195–196; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 316–326; Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. М., 1988. Кн. 2. С. 89–144.

